

Реформа РАН: между прошлым и будущим

1. Как вы оцениваете результаты реформы, начавшейся в 2013 году?

2. Каким вам видится дальнейшее развитие РАН, академических институтов, научной сферы в нынешних реалиях?

Александр ЧУБАРЬЯН, академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН

Конечно, эти пять лет для РАН были очень непростыми, поскольку академия должна была приспособиться к новым условиям. С одной стороны, РАН лишилась институтов, с другой, - не ясны были взаимоотношения с ФАНО. Это был острый период.

Я думаю, что на сегодня он завершен. Отношения с ФАНО достаточным образом урегулированы, найдены какие-то общие решения. Сейчас одной из главных задач (до конца не решенной за пятилетие) является участие РАН, более активное и более очевидное, в формировании и развитии научных направлений академических институтов.

Речь идет о том, что мы должны согласовывать темы исследований. Я думаю, что это нужно поставить на более устойчивую законодательную основу. Научные направления академических институтов, очевидно, должны получить одобрение РАН и Президиума РАН, в частности, в лице отделений Академии наук. Теперь это - одна из главных задач в построении взаимоотношений РАН и созданного Министерства науки и высшего образования.

Вторая задача, провозглашенная пять лет назад, но также не решенная, - это передача РАН экспертных функций развития научной жизни по всей стране, включая и высшие учебные заведения. Механизм не был отработан, и, как мне представляется, в этом направлении сделано еще очень мало. Сегодня, когда новое министерство объединяет и науку, и вузы, участие РАН и ее весомый, почти решающий голос в экспертной оценке того, что делается в России, в том числе в вузовской науке, в области научных исследований, необходимы для того, чтобы можно было реализовать задачи, поставленные в майском указе Владимира Путина.

Третье. Был утрачен или ликвидирован межакадемический обмен с другими странами. Это была важнейшая форма международного научного сотрудничества. В результате мы получили неясные перспективы, отсутствие финансирования этой важнейшей области. Это привело к тому, что наши западные партнеры, даже коллеги из стран СНГ (например, Белоруссии или Казахстана), не могут приехать в Москву, в Россию. Их никто не может принять при отсутствии средств на эти цели. Я думаю, что сейчас это - одна из важнейших задач в переговорах РАН и Минобрнауки.

Сегодня я вижу готовность людей, вставших во главе Министерства науки и высшего образования, к тому, чтобы перечисленные мною задачи были решены. Разумеется, со стороны РАН есть постоянная готовность следовать этим направлениям и решать эти задачи. Обнадешивающим было выступление вице-премьера правительства Татьяны Голиковой на Президиуме РАН, на котором она высказалась за максимальное сотрудничество с Академией наук. Поэтому я думаю, что перспектива и возможности у РАН есть. Но возможность, как известно в науке, - это еще не реализация, поэтому требуется дальнейшая работа в этом направлении.

Сергей АЛЕКСЕЕНКО, академик РАН, председатель Объединенного ученого совета СО РАН по энергетике, машиностроению, механике и процессам управления

1. К реформе 2013 года я отношусь по-прежнему отрицательно. Негативных последствий больше, чем позитивных, хотя за пять лет удалось прийти к какому-то консенсусу. Проблема в том, что сейчас Российской академии наук уже не существует в прежнем виде. Сегодня академия - как начальник без подчиненных. Казалось бы, РАН поставлена курировать все научные исследования в стране, но никаких рычагов управления не предусмотрено. Каким образом мы можем даже просто запросить информацию у вузов или у научных подразделений крупных

корпораций? Хотя контакты есть, члены РАН работают во всех этих структурах, но стиль взаимодействия уже сугубо добровольный. Словом, никаких радикальных решений по этому поводу за прошедшие годы не

принято, статус академии продолжает оставаться невнятным.

2. К сожалению, сейчас наблюдается некоторый хаос: до сих пор не сформирована политика министерства. Очевидно, что за науку и вузы будут отвечать разные департаменты. Возможно, взаимодействие упростится, горизонтальные связи укрепятся. Но не думаю, что процесс пойдет быстро. А если говорить о РАН, выхода я пока не вижу. Академия остается просто своего рода обществом, клубом по интересам, утратившим прежнее влияние. Сейчас нужно подождать, пока все наладится в министерстве, а потом решать вопрос радикально - вплоть до возвращения институтов в систему академии.

Владимир ИВАНОВ, член-корреспондент РАН, директор Института общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова РАН

1. Видимым позитивным следствием реформы стали упорядочение финансово-хозяйственной деятельности институтов и приведение ее в соответствие с действующим законодательством. При этом вследствие отстранения Российской академии наук от руководства институтами формирование их научной повестки де-факто отошло на второй план. На пять лет было приостановлено обновление приборного парка. Единственным массовым инструментом развития исследований в этот период

являлась деятельность Российского научного фонда и Российского фонда фундаментальных исследований. В целом можно констатировать, что реформы не привели к повышению уровня научных исследований.

2. Реформы не могут и не должны длиться бесконечно. Между тем у нас выросло уже целое поколение исследователей, всю свою научную жизнь проработавших в постоянно меняющихся условиях. По своему опыту знаю, что адаптация к новым правилам сильно отвлекает от собственно научной работы. При этом неопределенность перспектив, даже краткосрочных, препятствует сейчас приходу и закреплению молодежи в академических институтах. Уверен, что в ближайшее время мы столкнемся с острой кадровой проблемой, решать которую нужно общими усилиями. Что касается развития Российской академии наук, то, по моему убеждению, необходимо усиливать роль научных советов, являющихся хорошей площадкой для выработки решений и взаимодействия работников академической, вузовской и отраслевой науки и представителей промышленности.

Анна ДЫБО, член-корреспондент РАН, д.ф.н., главный научный сотрудник Института языкознания РАН

1. Пессимистичные прогнозы сбылись. Результаты реформ в основном отрицательные. Сведение финансирования к грантовой системе позволяет выполнять техническую работу с заранее предсказуемым результатом и не дает заниматься собственно наукой. Ну, конечно, делаем что можно, то есть стараемся сделать эту техническую работу. И если сделаем, то будущие поколения ученых, возможно, когда-нибудь извлекут из нее пользу. Но гонка отчетности очень мешает заниматься и этим. Понятно, что когда начальник совсем не понимает, как делается наука, да и не очень хочет понять (его же взяли как кризисного менеджера закрыть предприятие), то ничего другого ожидать не приходится.

2. Судя по всему, работа с институтами в министерстве с таким руко-

водством будет продолжаться таким же образом, как последние пять лет, а руководство РАН не в силах как-то воздействовать на происходящее.

Геннадий РОЗЕНБЕРГ, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института экологии Волжского бассейна РАН

1. Моя оценка прошедшей реорганизации РАН крайне отрицательна. Считаю это самой большой стратегической ошибкой руководства страны: переподчинить институты РАН любой другой организации - это все равно что отобрать у РПЦ все церкви и перепоручить их "эффективному управлению", например, какому-нибудь ФАЦО (я не зря сравнил эти две организации: по всем опросам 2013 года, именно РАН и РПЦ возглавляли список структур, которым наиболее доверяют россияне).

Я работаю в системе Академии наук 45 лет, и кроме двухгодичной службы в рядах Советской армии в моей трудовой книжке только одна запись - "АН СССР и Российская академия наук". Причем 28 лет я возглавлял Институт экологии Волжского бассейна РАН. В этом году ФАНО освободило меня от должности в силу достижения предельного возраста, не сказав даже "спасибо": ну, да ладно, не за "спасибо" от ФАНО трудился. Я шел в науку, именно в Академию наук, в детище Петра Великого, и скорее всего, никогда не пошел бы работать в систему какого-то ФАНО, ГКНТ или других буквосочетаний. И когда меня просто росчерком пера вместе с оборудованием "переучредили" из РАН в ФАНО (а сейчас, скорее всего, в Министерство науки и образования), почувствовал себя обворованным. Но это мои личные обиды, хотя уверен, что подобные чувства испытывает большинство членов академии.

Все проведенные за пять лет преобразования РАН привели к тому, что в институтах утерян дух творческой научной свободы. Поставленные во главе ФАНО финансисты (возможно, и неплохие) заставили мерить науку в тех единицах, которые им понятны: в трудовых (нормо-часах), показателях "дорожных карт", в разного рода библиографических индексах (о "хиршности" нашей науки я писал в журнале "Биосфера", №2, 2018 г.), разделили нас на "научных сотрудников" и "научных работников" (весьма изощренный способ внести разрады в коллективы), лишили самостоятельности многие институты, объединив их в разного рода региональные и федеральные центры. А ведь только внутренняя свобода творчества позволила, например, Дмитрию Менделееву открыть Периодическую таблицу химических элементов, Николаю Вавилову - закон гомологичных рядов и центры происхождения культурных растений, а Григорию Перельману - решить одну из "вечных" математических проблем.